

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

Г. В. Еремичева

Восприятие социо-культурного
неравенства представителями
разных поколений и их социальное
самочувствие

Электронный ресурс

URL: <http://www.civisbook.ru/files/File/Eremicheva.pdf>

Перепечатка с сайта Социологического
института РАН <http://www.si.ras.ru>

URL: <http://www.civisbook.ru>

ВОСПРИЯТИЕ СОЦИО-КУЛЬТУРНОГО НЕРАВЕНСТВА ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ РАЗНЫХ ПОКОЛЕНИЙ И ИХ СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ¹

Современный уровень социального неравенства характеризуется значительной поляризацией населения на бедных и богатых и определяется московскими экономистами уже как избыточное². Такое неравенство опасно не только тем, что к категории бедных³ относится слишком большая доля населения страны, но и тем, что оно становится тормозом экономического развития и угрозой социально-политической стабильности общества, поскольку слишком долгое пребывание в состоянии экономического и социального напряжения многочисленных групп населения серьезно сказывается на социальном фоне проходящих реформ во всех сферах жизни и в значительной степени определяет их результаты.

В качестве одного из наглядных индикаторов социального неравенства могут быть рассмотрены данные официальной статистики оплаты труда по отраслям народного хозяйства, поскольку показатели денежных доходов населения являются, в первую очередь, показателями уровня жизни и оценки материального положения различных социальных групп. Даже поверхностный анализ этих данных демонстрирует сильную дифференциацию доходов по категориям работающего населения. Самый высокий уровень оплаты труда — в отраслях, связанных с добычей и переработкой топливно-энергетических полезных ископаемых, а самый низкий — в сельском хозяйстве. Такими же низкими остаются доходы и в сферах легкой промышленности, культуры и искусства, образования и здравоохранения. В последние время правительство пытается поднимать зарплаты бюджетникам. Но, к сожалению, это проводится со значительными структурными перекосами. Так например последнее повышение зарплаты в сфере здравоохранения коснулось, в первую очередь, врачей общей практики, что привело к оттоку врачей-специалистов. Нарастание перекоса в оплате труда в низкооплачиваемых отраслях наносит ущерб развитию как самих

¹ Грант Комиссии европейских сообществ (EU) Social Inequality and Why it Matters for the Economic and Democratic Development of Europe and its Citizens: Post-Communist Central and Eastern Europe in Comparative Perspective. 2006–2008, Contract №028920 и финансовой поддержке гранта РГНФ «Факторы и последствия социального неравенства в разных типах поселений в трансформирующихся обществах», № 07-03-000538а, 2007-2009 гг.

² Социальное неравенство и публичная политика. Под ред. В. А. Медведева, М. Горшкова, Ю. С. Красина, М., 2007.

³ Признавая спорность определения бедности только из душевых доходных характеристик, наиболее распространенным в российской литературе остается все же признание бедности, исходя из расчета стоимостной величины прожиточного минимум на основании «Методических рекомендаций по расчетам прожиточного минимума по регионам РФ». В настоящее время величина прожиточного минимума в Санкт-Петербурге 4000 рублей, что определяет и размеры пенсий.

отраслей, обеспечивающих жизненные потребности населения, так и воспроизводству человеческого капитала в целом. Кроме того, следует отметить и тот факт, что в этих малообеспеченных отраслях заняты, преимущественно, женщины со средним и высшим образованием. Низкая оплата труда и оснащение учреждений, не соответствующее современным стандартам, приводят к падению престижа профессий, хронической нехватке квалифицированных кадров.

Декларируемый официальной статистикой рост благополучия населения в целом, в повседневной жизни отражает реальное состояние достаточно немногочисленной группы. Для большинства же углубление социального неравенства вполне очевидно, что и подтверждается «коэффициентом дифференциации доходов», который в 1992 году составлял 8 раз, а к 2007 г. вырос до 16,8 раз. С другой стороны, для представления реальной ситуации с доходами населения данных официальной статистики недостаточно, поскольку зависимость благосостояния многих семей от теневого сектора экономики существенно увеличивается¹.

Следует отметить, что уровень жизни определяется не только зарплатой и индивидуальными доходами членов домохозяйства. Очень важную роль играют общественные блага и социальные трансферты. Они призваны сглаживать социальные различия между социальными группами, выравнивать шансы людей на получение образования, медицинского обслуживания и удовлетворения их культурных потребностей. Данные исследований показывают, что доля форм социальной поддержки в денежных доходах населения постоянно уменьшается, например размеры регулярных детских пособий.

Хотя официально количество людей, живущих за чертой бедности, уменьшается, о чем регулярно сообщают СМИ, это все еще значительная часть населения, которой требуются существенные социальные выплаты для поддержания достойного уровня жизни. Однако, как мы знаем, социальная помощь не успевает за нуждами беднейших слоев населения.

Как отмечалось выше, отличительной чертой российской бедности является ее структура. Так, помимо традиционно нуждающихся — инвалиды, многодетные и неполные семьи, престарелые, в категорию малообеспеченных попадает существенная часть работающего населения. В большинстве это люди, занятые в государственном секторе. Однако доля малообеспеченных работников и в частном секторе увеличивается.

Возможность проанализировать отношение людей к различным проявлениям социального неравенства и охарактеризовать самочувствие некоторых социальных групп дали результаты тестов фокус-групп, проведенных в Петербурге в рамках международного проекта «Социальное неравенство и что оно означает для экономического и демократического развития Европы и ее граждан. Посткоммунистическая Центральная и Восточная Европа в сравнительной перспективе». Проект иници-

¹ Бокун Н. Ч. Проблемы взаимосвязи государственного регулирования и теневой экономики. // Статистика в диалоге общества и власти. Материалы Международной научно-практической конференции. СПб, 2008 С. 37–39.

рован Комиссией Европейских Сообществ, выполнялся научными коллективами из 11 стран бывшего социалистического пространства и был направлен на изучение системных преобразований в этих обществах в процессе их перехода к рыночной экономике, в том числе и на исследование различных (социальных, экономических и политических) последствий социального неравенства как на макро-, так и на микроуровнях исследования. Для реализации задач макроуровня был проведен массовый опрос населения стран-участниц проекта. Фокус-группы позволили представить индивидуальный ракурс исследования, охватывающий ценности, установки и поведение индивидуумов, связанный с различными формами социального неравенства, с их позиционными и культурными коррелятами, т. е. микроуровень.

В статье представлены результаты анализа тестов четырех фокус-групп петербуржцев и жителей Ленинградской области с низким и средним уровнем дохода¹ (10–15 тыс. рублей — средний, до 5 тысяч — низкий). Каждая фокус-группа насчитывала 12 человек в каждую сессию и была скорректирована по таким показателям как доход, пол, возраст и занятость (мужчины и женщины в каждой возрастной категории от 18–30; 31–45; и 46–65 лет).

Прежде чем говорить о восприятии информантами конкретных проявлений социального неравенства в их повседневной жизни, хотелось бы обратить внимание на впечатления английского эксперта-наблюдателя, присутствовавшей на фокус-группах. Как было ею отмечено, отличительной чертой российских дискуссий являлось то, что обсуждение любых социальных вопросов приобретало выраженную политическую окраску, а члены фокус-группы часто проявляли агрессию. Кроме того, по мнению эксперта, в отличие от дискуссий в других странах, например, Балтии и др., в Петербурге обсуждение почти всех проявлений социального неравенства велось в лексике резкого противостояния населения и власти. Например: «власть и простое население», «они там, а мы здесь», «им абсолютно на нас наплевать», «власть и поставлена для того, чтобы думать не о себе, а о народе», «а то они сами для себя, а мы — сами за себя».

Особенно это проявилось в группах представителей области. Их высказывания отличались крайней степенью раздражения по отношению, прежде всего, к местной администрации. Жителям области бездействие представителей властных структур особенно очевидно, как и развал сельского хозяйства и местного производства. Все информанты указывали на то, что зарплаты на селе значительно ниже, чем в городе. Инфраструктура села приходит в упадок. На улицах грязь, часто нет освещения. Многие жилые помещения находятся в аварийном состоянии. Серьезные проблемы с транспортом, торговлей, здравоохранением. В трудном материальном положении находятся учреждения образования. Школы и детские сады выживают только за счет

¹ На момент проведения ФГ мы исходили из Постановления № 894 от 24 июля 2006 г «Об установлении величины прожиточного минимума на душу населения и для основных социально-демографических групп населения в Петербурге.». ПМ на душу населения составлял тогда 3 тысячи 463 рубля; для трудоспособного населения — 3 тысячи 949 рублей 70 копеек; для пенсионеров — 2 тысячи 554 рубля 20 копеек; для детей - 3 тысячи 36 рублей 10 копеек.

родителей. Бесплатное медицинское обслуживание становится почти недоступным. А страховая медицина не в состоянии обеспечить даже самое необходимое.

«То, что страна развалилась, — это да. От этого никуда не денешься. Даже смотреть жалко. Особенно сельское хозяйство. Это меня очень трогает. Вот посмотришь фермы — все развалено, очень неприятно. Поля запущены, там ничего не растет.» (М. ж. 55 л. обл.)

«Отношение руководящего звена к обыкновенным людям. Если даже взять нашу ферму. Человек работает, но не видят отдачи со стороны руководства. Месяца по три-четыре зарплату не платят. И работаем в таких условиях, что стыдно. Стыдно нам, кто работает в этой грязи. А тем, кто руководит — им не стыдно. Нисколько не хотят смотреть, руководить, что-то делать.» (В. м. 38 л. обл.)

«И жажда денег у стоящих власти поближе. Вот передвинуть всех, стоящих ближе к власти...Народ нужен только на время выборов...Наше правительство смотрит на нас как на врагов. Лишь бы им было хорошо.» (М. ж. 55 л. обл.)

«А вот как началась перестройка, весь бардак этот начался. Все стали себе хапать, кто был у власти. Все захапали. И сейчас хапают — нефть, газ».(Н.м.49л.обл.)

Все это — свидетельства высокой степени социального напряжения в группах и злободневности вопросов о социальном неравенстве. В этом контексте уместно, на наш взгляд, рассмотреть понятие «социальное самочувствие» как населения в целом, так и отдельных его категорий, в последнее время часто встречающееся в научной литературе и СМИ.

Как конструкт общественного сознания, социальное самочувствие интегрирует многие аспекты взаимоотношений индивида и группы с обществом, отражает его реакцию на объективные и субъективные изменения условий жизни. Социальное самочувствие существенно влияет на экономическое и социальное поведение людей, уровень восприятия и оценки ими своего состояния. Оно репрезентирует степень удовлетворения разнообразных потребностей индивидов и оправдания их возможных ожиданий, отражает отношение между уровнем притязаний, степенью и полнотой удовлетворения потребностей в ходе реализации разрабатываемых в течение жизни стратегий и ощущением благополучия (неблагополучия), комфорта (дискомфорта) в определенных жизненных ситуациях. Социальное самочувствие представляет собой, с одной стороны, определенный срез информации, оперирующий такими понятиями, как «актуальное знание», «эмоции», «чувства», «историческая память» и «общественное мнение». С другой стороны, отражает субъективную оценку информантами уровня и степени благополучия окружающей микросреды, интегральное психологическое состояние, включающее так же эмоции, чувства и настроения¹.

Анализ тестов фокус-групп и внимание к эмоциональному заряду высказываний информантов во время обсуждения проявлений социального неравенства в их жизни позволяет сделать определенные выводы и об их социальном самочувствии. Оно

¹ Валюженич Я. А., Самойлова В. А., Социальное самочувствие пожилых людей: возможности диагностики. \ \ Вторые Ковалевские Чтения. Материалы научно-практической конференции, 2007, С. 733–738

характеризовалось прежде всего высокой степенью тревожности и неуверенности в завтрашнем дне, и самое главное — серьезным неудовлетворением сегодняшней жизнью, недоверием к действиям представителей власти на всех уровнях.

Несмотря на то, что уровень дохода был взят как основной дифференцирующий показатель, он не оказал существенного влияния на восприятие информантами проявления социального неравенства как в городских, так и областных группах. Можно отметить, что в группе менее обеспеченных высказывания отличались большей эмоциональностью, а претензии к государству и иждивенческие настроения выражались резче. Это еще раз подтверждает наше предположение о том, что декларируемые нашими политиками и чиновниками сведения о повышении уровня и качества жизни всех категорий населения не в полной мере отражают реальность. Следует отметить и то, что существующий разброс цен на продовольственные и промышленные товары не только в различных типах магазинов, но и районах Петербурга заметно нивелирует доходные различия. Например, одни и те же продукты и товары в центральных районах города стоят дороже, чем на окраинах.

Между мужчинами и женщинами, респондентами с высшим и средним образованием, так же не было серьезных разногласий в оценке социального неравенства. Дифференцирующим фактором стал возраст информантов. Уже первичный анализ тестов фокус-групп показал, что людей разного возраста беспокоят разные проявления социального неравенства, и они иначе их воспринимают, иначе их артикулируют. В некоторых случаях именно эти различия сами становятся социальной проблемой, вызывают непонимание и раздражение у представителей разных поколений. Молодые участники дискуссии — более напористы и уверены в себе. Старших объединял опыт жизни при социализме, возможность сравнивать ее «до перестройки» и после. Их социальное самочувствие характеризовалось как менее комфортное и более тревожное.

В качестве злободневных молодые информанты (18–24 г.) называли проблемы, связанные с армией, с городской инфраструктурой, плохим финансированием молодежных проектов, шоу-бизнесом, безработицей, жилищными проблемами. Им не безразличны такие явления как наркомания, беспризорность, алкоголизм, «демографический кризис», «падение нравов», бытовое хамство, маленькие пенсии и детские пособия (в основном речь шла о родителях и близких). Но молодые не склонны драматизировать сегодняшнюю ситуацию, их общее отношение к происходящему достаточно оптимистично. В ходе дискуссии молодые люди были заметно менее политизированы. Их гораздо больше беспокоили собственные дела и собственное окружение: «любой человек сначала думает о себе и близких, а потом уже о народе» (А. м. 20 л). «Каждый живет как может. Все от денег зависит. У кого как получается. Каждый себе дорогу в жизни пробивает. Кто башкой, кто руками» (М. м. 19 л. обл.)

По их мнению, в решении всех социальных конфликтов главное — «человеческий фактор», «все зависит от человека», «дело в самом человеке, в его характере». Они единодушны во мнении, что неравенство всегда существовало в обществе и будет углубляться. Более того, уверены, что именно неравенство стимулирует людей к получению образования, социальной карьере.

«(Неравенство) пример для других. Как стимул к действию. Сам механизм неравенства, что не равны люди, это живительный механизм для социума. Оно оживляет, дает импульс к развитию науки и технологии. К чему-то стремиться».

(П. м. 23 г.)

«Я бы тоже относилась положительно (к равенству), но думаю, что этого не получится. Потому что все равно каждый человек индивидуален, он хочет, чтобы у него было лучше, чем у других» (Т. ж. 20 л. обл.)

Социальное неравенство воспринимается как «фактор соревновательности», осознание конкуренции между людьми.

«Все равно здесь в основании лежит какой-то эгоистический импульс. Вот что важно. И пример для других людей. Если я так сделал, значит, вы тоже так можете». (Д. м. 24 г.)

«Я считаю, что все равно неравенство должно быть. Есть высшие и есть низшие. И низшим же надо к чему-то стремиться!» (Т. ж. 20 л. обл.)

Материально обеспеченная работа для всех выступала основным условием благополучия и удачного жизненного сценария. Справедливость больших доходов определялась «качеством» и «спецификой работы». Желание хорошо зарабатывать, по мнению информантов, может входить в противоречие с представлениями о нравственности и воспринимается как «современные правила жизни». Они понимают, насколько трудно подняться по социальной лестнице, не имея начального капитала и полезных социальных связей. В случае когда есть связи, то глупо их не использовать. А если их нет, их нужно найти. Начальный капитал вполне может быть заработан нечестным путем. Таких примеров в своем окружении имеют многие. Они жалеют о том, что время легких заработков «время хапка» уже кончилось, и они не сумели этим воспользоваться.

Надо отметить, что для сельской молодежи такие настроения не были проявлены столь очевидно. Их притязания к жизни несколько более реальные и скромные.

«Говорят, что мы творцы своей судьбы. Если человек хочет чего-то добиться, то он обязательно добьется. Если у него будет стимул это сделать... Вот если я хочу учиться, я все для этого сделаю. Пойду работать официанткой за 2000 рублей в месяц, чтобы мне отучиться» (Т. ж. 20 л. обл.)

Наличие социального расслоения особого возмущения не вызывает и воспринимается как естественное состояние общества с рыночной экономикой.

«Тут не очень точно сформулировано, но суть такова, что должно быть различие между достатком и роскошью. Все равно будет ограниченная группа людей, обладающих возможностями, значительно превышающими возможности обычного человека. И все же должен быть какой-то уровень достатка, средний класс. Не должно быть просто откровенной бедности. Но роскошь тоже должна быть — как какой-то ориентир, какое-то украшение цивилизации». (Л. м. 24 г.)

Социальное неравенство, при котором существуют нищие и бродяги, которых сейчас в городе очень много, недопустимо. Оно влияет на самочувствие, вызывает раздражение и нарушает ощущение комфортности. Однако в сегодняшних условиях такая ситуация воспринимается молодыми информантами как социальная неизбеж-

ность. При этом у городской молодежи выражается даже сочувствие власти, которая не может помочь всем нуждающимся.

«Один человек тут ничего не может. Будь это хоть президент. Что, он может повысить пенсионерам пенсии? Пенсия же отчего-то зависит. Финансы же государства не резиновые. Это же зависит от чего-то». (К. м. 24 г.)

« Да причем тут власть! Многие люди хотят ничего не делать, но жить хорошо. Вот отсюда и берется, что власть плохая и политика. Кто хочет, тот стремится и добивается». (Л. м. 23 г.)

Двадцатилетним действительно кажется, что многие люди сами виноваты в своей бедности. Они уверены в себе и считают, что будущее зависит от активности и способностей конкретных людей. В то же время, надеясь на свои личные успехи, собственное будущее и будущее страны представляется им не очень отчетливо.

Информанты группы 46–65 лет гораздо более заинтересованно обсуждали социальные проблемы неравенства. Их в большей степени объединял жизненный опыт и они более солидарны в своих высказываниях — более аргументированных и подкрепленных конкретными примерами. Их многое тревожит, и прежде всего то, что нет уверенности в сохранении достигнутого уровня жизни. Почти все они — люди с активной жизненной позицией, равнодушные к событиям сегодняшнего дня. Они более внимательно, чем молодые, следят за текущими политическими событиями. Но все их высказывания в большей степени проникнуты беспокойством за будущее страны и неудовлетворенностью происходящим.

Несмотря на то, что участники фокус-групп на момент опроса имели работу и стабильный заработок, они не удовлетворены как собственным социальным положением, так и своих близких. В результате реформирования всех сфер занятости некоторые из них вынуждены были сменить основную профессию, а чтобы как-то сохранить привычный образ жизни не отказываются от случайных заработков. Даже если их дети достигли достаточного уровня жизни, чувства стабильности у них нет.

Про себя они считают, что оказались не готовыми к рыночной экономике, и поэтому не вписались в нее; социальное положение их семьи и друзей заметно ухудшилось. Жизнь в советское время они оценивают как более справедливую. В их лексиконе часто встречаются такие слова как «сердце», «совесть», «достоинство», «патриотизм», «вера» и т. п., но употребляются они с явно настальгическим оттенком. Чувство невостребованности, ощущение неуважения к себе как со стороны молодежи, так и со стороны государства постоянно ощущаются и высказываются ими достаточно резко.

Среди проблем, которые более близки старшим информантам — социальная политика государства, «деградация населения», снижение уровня культуры и нравственности, крайне низкие заработки и пенсии, дискриминация со стороны работодателей, «зарплата в конвертах без оформления», «говорится одно, а платится другое», бесправие и незащищенность в отношениях с чиновниками, с персоналом в учреждениях здравоохранения, неуважение и грубость окружающих в магазинах, транспорте и просто на улице. Страх потерять работу в предпенсионном возрасте особенно силен, т. к. найти другую работу респонденты почти не надеются.

Причины своих жизненных трудностей более пожилые респонденты видят в неэффективности проводимой государством социальной политики, коррупции во всех ветвях власти, отсутствии доверия к политикам. Они не приняли реформы, разочарованы и не понимают демократов, сочувствуют коммунистам.

«Самая главная причина — в самом человеке. Но, как говорят, рыба гниет с головы. Это власть виновата. Она нас развращает во всех сферах. А потом призывает к порядку, когда уже поздно. Когда рушилась страна в 90 году, нам говорили, что будут меценаты, которые будут вкладывать деньги, благоустраивать. А как на деле? Потому что это должно идти от самой власти. Вот сейчас много Центров в городе, они платят огромные деньги за аренду, те, кто содержат магазины. Это огромные деньги! И куда идут эти деньги — никому не понятно. В городе ничего не делается». (ж. 45 л.)

«Я привыкла к порядку в Советском Союзе. Вся моя жизнь прошла в этот период. Хоть и говорят, что Советский Союз плохо обеспечивал, но, по крайней мере, жильем обеспечивал. Хоть мы и в очереди стояли. Жилье было бесплатное. И детский сад стоил 12 рублей, а не тысячи, как сейчас. Вот и различия. А пенсионеры вообще сейчас кинуты. Живи как знаешь». (М. ж. 55 л. обл.)

Особую озабоченность вызывает растущая коммерциализация всех видов услуг, особенно в сфере здравоохранения и образовании. Даже те, кто еще не являются пенсионерами, уже осознают, что их ожидает в будущем и обеспокоены этим. Они не верят в лучшее будущее для себя и для страны в целом.

«Так всегда и будет. И при этом еще уменьшение численности населения. Вымирает Россия полностью». (Т. ж. 56 л.)

«Государство должно не только декларировать социальную направленность, но и выполнять ее. А у нас государство только декларирует — как ни включишь телевизор: мы социальное государство. А мне всегда хочется задать вопрос: откуда вы взяли, докажите мне, что у нас социальное государство? Это только декларации». (Т. ж. 53 г.)

«...государственная политика, чтобы побольше народу истребить». (Н. м. 49 л. обл.)

Таким образом, несмотря на различия в наборе социальных проблем, воспринимаемых как социальное неравенство, обусловленное возрастом информантов, ощущение беспокойства и неудовлетворенности существующим положением как своим собственным, так и страны в целом, явилось объединяющим для всех участников дискуссии, хотя и проявилось в разной степени.

В заключение хочется сказать, что предложенный вашему вниманию анализ тестов фокус-групп может быть рассмотрен в нескольких аспектах. Первый — это иллюстрация того, как в ходе дискуссии по широкому кругу проявлений социального неравенства в повседневной жизни происходит взаимодействие участников группы и совместное конструирование позиции по отношению к затронутым проблемным ситуациям. Важным оказывается не только процесс получения информации, но и возникновение особого социально-психологического поля, стимулирующего участников к размышлениям и высказыванию собственной позиции в атмосфере равноправного диспута. Именно дискуссионность обсуждения становится основным достоинством этого метода.

На наш взгляд, полезным кажется и опыт использования метода фокус-групп для выявления спектра проблем социального неравенства и отношения людей к его проявлениям, поскольку этот метод разрабатывался прежде всего для маркетинговых исследований. Применение его для обсуждения социальных проблем повседневной жизни представителей различных социальных групп городского и сельского населения не стало еще в социологических исследованиях традиционным.

Второй аспект — представление о социальных проблемах, конструируемое в ходе дискуссии, в дальнейшем анализе может трансформироваться в индикаторы для описания социального неравенства и социального самочувствия как участников дискуссии, так и более многочисленных социальных групп. Выделяя детерминанты в представлении социального неравенства в сознании людей и соотнося их с другими, в том числе с социо-культурными, появляется возможность проследить, как они транслируются в политическое и социальное поведение индивидов и групп.